DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.5>

УДК 37.075.8

ББК 74

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МУЖСКАЯ СУЩНОСТЬ» В ФИЛОСОФИИ ЭЛИЗАБЕТ БАДЕНТЭР

Екатерина Борисовна Хитрук

Кандидат философских наук, доцент,
Томский государственный университет
ubomudr@vtomske.ru
просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье анализируется проблематика мужественности в философии Элизабет Бадентэр. Обосновывается необходимость перехода в осмыслении природы разнообразных практик маскулинности от эссенциалистского к конструктивистскому подходу. Конструктивистский подход рассматривает мужественность не как биологическую данность, а как некий культурно обусловленный императив, оценивающий мужские социальные роли и способы самопрезентации с точки зрения идеала «настоящей мужественности». Делается вывод о том, что идеал «настоящей мужественности» как «антиженственности» требует критического переосмысления в современной культуре.

Ключевые слова: маскулинность, антиженственность, Э. Бадентэр, эссенциализм, конструктивизм, мужская сущность, гендер, пол.

Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провожался,
Сам наутро бабой стал».

...

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну.
«Из-за острова на стрежень»

Слова Дмитрия Садовникова.

Современные практики маскулинности сложны и разнообразны. По крайней мере, их становится все труднее описывать простым языком оппозиций, где мужское есть прямая сущностная противоположность женского. И несмотря на непрекращающиеся попытки дескрипции реальности, в том числе и многообразной реальности мужского, с помощью дихотомии норма/патология (звучащие в российском обществе все с большей настойчи-

востью), «реальные» мужчины демонстрируют все больше альтернативных стилей поведения и стратегий маскулинности. Таким образом, производится некая эмпирическая норма, которая озадачивает общественность вопросом о том, что же считать мужской природой и существует ли таковая вообще.

Классическая философия, как и традиционная культура, не знает сомнений в наличии метафизической первоосновы мужественности, впрочем, как и всех остальных значимых категорий социальной реальности. Женское, человеческое, разумное, чувственное, сильное, слабое, властное, подчиненное и т. п. – все имеет некую трансцендентную эмпирике первооснову или сущность, являющуюся онтологическим базисом явления, его высшим смыслом и истиной. Мужское в этом контексте, как правило, созвучно разумному, активному, созидательному, духовному аспекту реальности. Представлять и реализовы-

вать данные качества в бытии и социуме и есть, так называемая, сущность мужчины, его бытийное основание и социальное призвание.

Однако, господствовавшая порядка двух с половиной тысяч лет эссенциальная философская парадигма, начинает свое великое «проседание» (термин Мартина Хайдеггера) со второй половины XIX в., сталкиваясь с критической деконструкцией метафизической онтологии. Данная тенденция в совокупности с определенной логикой развития феминистской теории, трансформирующей представление о «женской сущности» в концепцию «женской ситуации» (Симона де Бовуар), становится практически единственной методологией, в рамках которой очевидные трансформации в сфере практик маскулинности могут обрести действительно значимое осмысление и продуктивную интерпретацию.

Только преодоление эссенциальной обусловленности категории «мужское» в современной философской ситуации дает определенную надежду на то, что все многообразие стилей и практик мужественности, давно уже вышедшее за узкие рамки бинарной «смирительной рубашки», сможет раскрыться хотя бы одной из множества своих граней, и в этом контексте быть понято и философски грамотно осмысленно.

Таким образом, современная философия деонтологизирует категорию «мужественность», переводя ее из разряда сущего, обусловленного сущностью, в разряд некоего феномена в социальном контексте созвучного множественным моделям маскулинности, ни одна из которых не имеет эссенциально обусловленных предпочтений. Как замечает Сергей Ушакин, современная модель маскулинности коррелятивна не столько реальности, сколько видимости, что, с одной стороны, «позволяет говорить о мужественности как о показателем, обозреваемом, инсценированном явлении, предполагающем определенного зрителя. С другой стороны, идея «видимости» акцентирует иллюзорный, фантазматический, символический характер мужественности» [4, с. 481].

Одной из первых в западно-европейской традиции вопрос о социальной природе мужественности поставила и разработала знаменитая французская исследовательница,

профессор философии Элизабет Бадентэр. В своем значительном труде под названием «Мужская сущность» Э. Бадентэр проблематизирует эссенциальное представление о природе маскулинности, не находя ему подтверждений ни в истории человеческих сообществ, ни в биологии, к которой любят апеллировать сторонники эссенциализма. «Набор хромосом XY, – пишет Э. Бадентэр, – является первейшим условием существования индивида мужского пола. Однако для его исчерпывающего определения одной этой формулы недостаточно. Есть люди, обладающие данным набором хромосом и физически нормальные, но не осознающие своей принадлежности к мужскому полу, другие же, напротив, ощущают эту принадлежность вопреки генетическому отклонению от мужской формулы. В процессе становления мужчины участвуют факторы психологического, социального и культурного порядка. И, хотя они не имеют ничего общего с генетикой, в этом процессе им принадлежит роль не менее, а может быть и более важная» [1, с. 5–6].

Статичный подход к описанию мироздания, оперирующий видами, родами, сущностями настолько вошел в сознание и мышление современного человека, что становится препятствием для анализа живых и подвижных форм, которыми наполнено и бытие природы, и существование человека. Понимание мужественности, с точки зрения Э. Бадентэр, также несвободно от этого парадокса человеческой мысли, поэтому при первом приближении вопрос о природе маскулинности вызывает в памяти целый набор застывших и клишированных концептов, таких как «вечная мужественность», «настоящая мужественность» и т. п. Однако достаточно внимательнее вдуматься в обыденное употребление понятий «мужчина» и «мужественность» для того, чтобы раскрылась вся та противоречивость, которая сопутствует пониманию мужественности в современном мире.

То поле сомнения и неуверенности, в которое погружены концепты маскулинности в современном обществе поистине достойно удивления. «Будь мужчиной», «докажи, что ты мужчина», «будь настоящим мужчиной» – данные словосочетания, будучи наиболее распространенными в культуре, ясно свидетельству-

ют о том, что мужественность циркулирует в рамках социальной дискурсии скорее как императив, нежели как констатация очевидного факта. «Сам мужчина, – пишет Э. Бадентэр, – и его окружение столь не уверены в его половой принадлежности, что постоянно требуют подтверждения его мужественности» [1, с. 12]. Однако это обстоятельство сопряжено с еще более удручающим. В отличие от традиционной культуры современное общество имеет слишком размытые и противоречивые представления о критериях мужественности, вследствие чего доказательство становится если и не невозможным, то, по крайней мере, в высшей степени проблематичным. «Просто никогда раньше не было так велико противоречие между необходимостью подтвердить свою половую принадлежность и отсутствием очевидных и окончательных критериев» [1, с. 13].

«Настоящий мужчина» – концепт, закрепленный в современной культуре и чрезвычайно распространенный в ней. Практически каждый индивид мужского пола оценивается обществом сквозь жесткую призму этого идеального образа и вынужден так или иначе стремиться соответствовать отображаемому формулой «настоящей мужественности» канону маскулинности. Никто не хочет быть отнесен к разряду «ненастоящих», существование которых, однако, предполагается и даже утверждается концептом «настоящего мужчины». Эта сложная система идеализации мужественности и долженствования достичь и продемонстрировать идеал как ничто другое подтверждает культурные, социальные истоки маскулинности. «Мужчина представляет собой рукотворный продукт, – подчеркивает Э. Бадентэр, – отличающийся от творения природы, и как таковой он постоянно подвергается риску быть признанным продуктом с изъяном, подобно браку производства, с дефектом в мужском оснащении. Короче, мужчина может оказаться несостоявшимся» [1, с. 13–14].

Поэтому, с точки зрения Э. Бадентэр, необходимо исследовать мужественность в социальном аспекте, прежде всего, как некий культурный феномен, имеющий определенную историю своего становления и задающий некую значимую социальную норму, сквозь призму которой оцениваются модели поведения

и самопрезентации индивидов мужского пола. Необходимо также эксплицировать содержание канона маскулинности и подвергнуть его критическому осмыслению.

«Мужчина» равно «человек»

Первое обстоятельство, которое требует признания и внимательного рассмотрения, это определенные истоки формирования канона маскулинности, связанные с традиционным отождествлением мужского и человеческого, универсализацией мужского. Эта универсализация отражена во многих языках, где для обозначения мужчины и человека используется одно и то же слово. Сама Э. Бадентэр упоминает в этой связи французский и древнегреческий языки.

Западная философия, с точки зрения Э. Бадентэр, знает два подхода к интерпретации пола и оба подхода предполагают универсальность, а, следовательно, и доминирование мужского начала.

Первый подход концептуализирует пол посредством сходства, а второй посредством различия.

1. Onesexmodel. Это концепция, которая предполагает, что мужские и женские половые органы представляют собой по сути одно и то же, однако расположены различно (мужские вне, а женские внутри тела). По утверждению Томаса Лакера до начала XVIII в. данная модель на Западе была доминирующей. Несмотря на то, что в этой модели пол предполагает в большей степени сходство, нежели различие, она базируется на противопоставлении мужчин и женщин на социальном уровне, поскольку подчеркивает теньевую, второстепенную, искаженную природу женского начала. «Женщина имеет своим мерилом мужское совершенство. Как некая изнанка мужчины, она, следовательно, является существом менее совершенным» [1, с. 20].

2. Со второй половины XVIII в. происходит трансформация подхода к дескрипции пола. На первый план выходит понятие существенного различия. Мужчина и женщина в своих биологических, душевных и социальных измерениях начинают рассматриваться как два противоположных друг другу рода реальности, пересекающихся разве что в аспекте

продолжения человеческого рода. Вследствие своей особенной детородной функции женщина представляется домашней по существу, в то время как весь остальной собственно человеческий (рациональный, борющийся за доминирование, трансцендирующий биологию) мир признается мужским поприщем.

«В конечном счете, – утверждает Э. Бадентэр, – какой бы моделью ни пользоваться при осмыслении сути полов – основывающейся на сходстве или различии, – мужчина в любом случае неизменно предстает как наиболее совершенный представитель человечества, как некий абсолют, по которому ориентируется женщина» [1, с. 22–23].

Универсальность мужского должна быть рассмотрена еще и как причина более чем двухтысячелетней «невидимости» мужского в западной цивилизации. Женское, традиционно презентируемое как отклонение от нормы, продуцирует определенную стигму, ощущаемую большинством женщин в процессе своей социализации, подчеркивающую их болезненное отличие от «человека». В то же время мужские свойства, ассоциируясь с нормой человечности, не рассматриваются как особенные наряду с особенными женскими, но как универсально человеческие.

«Эссенциализм» и «конструктивизм» в концептуализации маскулинности

Итак, выход маскулинности из многовековой тени универсального/человеческого актуализировал перед исследователями вопрос о сути мужского, о природе маскулинности. Соответственно, поиски онтологической первоосновы мужественности привели к формированию двух главных точек зрения по этому вопросу – эссенциалистской и конструктивистской.

Эссенциализм в понимании маскулинности, с точки зрения Э. Бадентэр, во второй половине XX в. наиболее ярко представлен в социобиологии Е. Вильсон. В контексте этого направления различие полов представляется естественным и биологически предопределенным. Социальные роли мужчин и женщин являются вторичной культурной надстройкой над фундаментальной биологической сущностью и, собственно, смысл разделения полов также

нужно искать в биологии, а точнее, – в задаче воспроизводства человеческого рода. Физиологические отличия мужчин от женщин, таким образом, базируют социальность, в которой агрессивность и сексуальная неразборчивость первых является простым выражением биологической сущности наряду с робостью и пассивностью вторых. «Эта-то врожденная мужская агрессивность и служит биологическим основанием владычества мужчин над женщинами, иерархии и конкуренции между мужчинами, а также раскрывает биологические корни войн» [1, с. 46–47]. «Естественная» агрессивность мужчин в социобиологии рассматривается в том числе и как основание «естественности» изнасилований (Дэвид Бараш). Мужчина агрессивен сексуально, поскольку его «природа» бессознательно влечет его к продолжению рода. Согласие или несогласие предмета влечения в данном случае не имеет особого смысла, в любом случае действия насильника невинны, потому что «естественны». В определенном смысле изнасилование «и полезно и неизбежно» [47].

Однако социобиология не единственное направление в современной науке, которое исходит из существования некой незыблемой природной сущности мужского. Как ни парадоксально данная идея лежит в основании одного из направлений современного феминизма – дифференциализма. Дифференциалистки также подчеркивают биологические различия между полами и считают их залогом равенства между мужчинами и женщинами, базирующегося на природных различиях между ними. Главным из этих различий, безусловно, является способность к деторождению, обуславливающая помимо биологических следствий еще и совершенно определенную социальную роль женщин – материнство. Материнство – уникальная роль, связанная не только с отличием от мужского пола, но и с явным моральным превосходством над ним, поскольку предполагает такие качества, как миролюбие, мягкость и душевную теплоту, обещающие человечеству некое заветное светлое будущее.

Хотя задачи дифференциализма и социобиологии различны, их предпосылки во многом схожи и ведут к одинаковым результатам. Феминистки объявляют превосходящим жен-

ский пол, а социобиологи мужской, однако, и те, и другие исходят из природной обусловленности иерархии между полами, а следовательно, того или иного вида доминирования и дискриминации. Как отмечает Э. Бадентэр, «стремление раз и навсегда решить вопрос о сущности неизменно ведет к размежеванию, за которым следует худшее: угнетение... Все заранее предопределено, нет места ни переменам, ни творчеству. Мужчина и женщина оказываются заложниками определенной схемы и обречены вечно играть одни и те же роли. И вечно вести все ту же войну» [1, с. 52].

Так или иначе, эссенциалистская позиция обнаруживает свои границы в плане интерпретации различия полов, поскольку сущностная модель, рассматривающая мужское и женское как противостоящие друг другу элементы природы, не может объяснить или описать существующее многообразие стратегий, проявлений и практик пола. Двух «смирительных рубашек» оказывается недостаточно для интерпретации представленных в опыте и эмпирически очевидных и женственностей и мужественностей.

Поэтому, как подчеркивает Э. Бадентэр, современный этап развития науки требует перехода к конструктивистской модели описания половых различий, сторонники которой «считают мужественность не сущностью, а категорией идеологической, стремящейся оправдать господство мужчин» [1, с. 53]. На самом деле, «понятие мужественности, – продолжает Э. Бадентэр, – варьируется не только в зависимости от эпохи, но и от принадлежности к тому или иному классу общества, к той или иной расе, а также в зависимости от возраста мужчины» [1, с. 54–55].

Мужественность, изменяющаяся от века к веку, от культуры к культуре, от общества к обществу, представляет собой совокупность сложных практик репрезентации, словом, представляет собой явление множественное. И именно в таком ключе мужественность требует своей дескрипции в современной науке.

Однако необходимо при этом иметь в виду, что понятие мужественности не растворяется в этой множественности возможных и наличных репрезентаций. При всем многообразии форм и смыслов за редким исключением в обществе всегда различимы мужские и

женские образы, от специфической манеры себя держать (осанка, походка и т. п.) до определенных черт характера и поведенческих особенностей, жизненных стратегий.

Более того, формы презентации и практики мужественности еще никогда в истории, включая современность, не рассматривались как равнозначные, но выстраивались в некую иерархию, зависимую от представления о некотором эталоне «правильной» или «настоящей» маскулинности.

Поэтому, как отмечает Э. Бадентэр, нам следует все же признать, что мужественность, несмотря на ряд бесспорных достижений современной науки, остается явлением загадочным. И в большей степени современное состояние мужских исследований описывает словосочетание «мужской вопрос», нежели какой бы то ни было «мужской ответ».

«Отрицание» как формирующий принцип мужественности

Как было отмечено выше, многообразие существующих форм маскулинности все же не может быть рассмотрено вне соотнесения с определенным нормативным каноном маскулинности, который в разных социальных ситуациях прописан с разной степенью настойчивости, но, тем не менее, в большинстве существующих сообществ он, несомненно, имеет место. Именно циркулирование в культуре некоего императива «настоящей» мужественности делает существование разных типов мужественности проблематичным ввиду необходимости их сопоставления с «идеалом».

«Тревога» маскулинности сопутствует разнообразным практикам обретения «настоящей» мужественности, встраивая их в определенную субординированную схему. Как отмечает знаменитый американский антрополог Дэвид Гилмор, «повторяющуюся концепцию о том, что возмужание проблематично, что оно представляет собой критический рубеж, который юноши должны пройти путем суровых испытаний, мы обнаруживаем на всех уровнях социокультурного развития вне зависимости от остальных социально признаваемых ролевых позиций. Она встречается и у простейших охотников-собирателей и рыболовов, и среди крестьян, и в обществах со сложной

городской организацией; ее мы находим на всех континентах и во всех природных условиях, среди воинственных племен и в таких обществах, членам которых не приходилось убивать себе подобных даже в припадке гнева» [2, с. 19].

Элизабет Бадентэр также обозначает и продумывает это сложное сочетание: наличие разнообразных практик маскулинности, необходимость их соотнесения с неким нормативным канонem и, тесно связанную с этим, тревожность и проблематичность обретения статуса мужчины. Мужественность в различных культурах понимается скорее как цель, к которой реальные представители мужского пола должны стремиться, и причастность, которую они должны демонстрировать. Мужественность никогда не является данностью, но всегда рассматривается как трудная задача.

При этом большое значение обретают не только те качества, которые индивид должен обрести на пути становления мужчиной, но и те качества, от которых он должен избавиться, чтобы соответствовать желанному статусу. Последние чаще всего ассоциируются с «естественной» противоположностью «настоящей» мужественности – женственностью. Отрицание всего женского, таким образом, является необходимым элементом достижения мужского эталона. Будучи рожден женщиной, находясь долгое время в зависимости от матери, мальчик, по словам Э. Бадентэр, «обречен на дифференциацию». Зачастую ни мальчик, ни мужчина не имеют никакого положительного содержания в своем представлении о маскулинности, помимо отрицания и размежевания. Быть мужчиной – означает в большинстве случаев дистанцироваться от женского. Мальчик, – пишет Э. Бадентэр, – «может существовать лишь противопоставляя себя матери, своей женственности, своему положению пассивного младенца. Трижды ему придется, подтверждая свою принадлежность к мужскому полу, убеждать самому и убеждать других, что он не ребенок, не женщина, не гомосексуалист. Отсюда и отчаяние тех, кому не удалось реализовать это тройное отрицание...» [1, с. 61–62].

Все три значимых «не» в процессе становления мужчиной могут быть сведены к одному – женственности. Ребенок – существо

пассивное, полностью зависимое от женского окружения (хотя эту ситуацию могло бы исправить деятельное участие отца в жизни младенца, для традиционной культуры оно неприемлемо). Страх гомосексуальности также может быть сведен к страху перед женским началом, поскольку гомосексуалист не демонстрирует свое отличие от женщины убедительным традиционным способом – овладевая женщиной (владеть женщиной равно не быть женщиной).

Последствия данного антагонизма деструктивны. Модель «настоящей» мужественности как антиженственности приводит к формированию разных видов искаленных мужчин, главными из которых являются гипермаскулинные («крутые») и гипомаскулинные («мягкие») мужчины.

Для первого типа характерно восприятие насилия, бесстрашия (подавленной эмоциональности), агрессии и мачизма (деперсонализированной сексуальности) в качестве основных стратегий мужского поведения и социализации. Романтизация данного представления приводит к определенному рода трагедии мужественности, связанной с исключением целого ряда человеческих качеств, таких как открытость, потребность в понимании и близости, осознание и принятие своих эмоций и своей уязвимости, из мужественности. В результате мужчины, посвящающие свою жизнь погоне за этим эталоном, в прямом смысле становятся калеками и психически и физически. «Когда узнаешь важность внутреннего единства человека, – пишет Э. Бадентэр, – влияние психического дискомфорта на физические болезни и узнаешь, что мужчины с большим трудом и значительно реже женщин обращаются за помощью к врачам и психологам, тогда сокращение продолжительности жизни мужчин становится понятнее. Если добавить к этому, что в нашем обществе жизнь мужчины ценится дешевле, чем жизнь женщины и ребенка (прежде всего женщины и дети!), что мужчина становится пушечным мясом во время войны, что показ его смерти (в кино и на телевидении) превратился в рутину, клише мужественности, то есть все основания рассматривать традиционную мужественность как угрозу для жизни» [1, с. 229–230].

Снять ярлык женственности с таких значимых явлений человеческой жизни, как эмоциональность, привязанность, уход за детьми («отцовская революция») в этом отношении является одной из главных задач современности. «Настоящая» мужественность как смиренная рубашка человечества должна быть сброшена с мужчин не для того, чтобы они стали неразличимы с женщинами, но для того, чтобы каждый «еще полнее и глубже стал собой» [3, с. 411].

Второе деструктивное последствие концептуализации мужественности как антиженственности – «мягкий мужчина». Появление такого рода мужественности Э. Бадентэр относит к 70 гг. XX в. и связывает его с критикой классического эталона маскулинности. Целое поколение мужчин, откликнувшись на критику эталона мужчины как агрессивного и бесчувственного самца, попробовало преодолеть в себе стремление к этому губительному идеалу. Однако в результате преодоления данной платформы для самопонимания и самоидентификации, мужчины перестали ощущать себя мужественными, поскольку никакого другого представления о «норме» мужчины, помимо антиженственного, культура не могла им предложить. Их отцы, эмоциональная поддержка которых могла бы смягчить кризис самоидентификации, оставались традиционно «отсутствующими призраками» [1, с. 239], эмоционально скованными и отстраненными. Таким образом, «мягкий мужчина» оказался потерянным и немужественным и в глазах окружения и в своих собственных глазах. Как отмечает Э. Бадентэр, «мужчине, лишённому основы, свойствен внутренний разлад, который может варьироваться от поверхностного смятения до умственного расстройства» [1, с. 243]. Именно этот разлад смятения пришел на смену более фундаментальному и продолжительному разладу между традиционной нормой антиженственности и реальными потребностями мужчин.

Таким образом, с одной стороны, можно зафиксировать очевидный и бесспорный «кризис маскулинности», овладевший западной культурой в связи с осознанием специфически мужских проблем, вытекающих из необходимости соотношения своих жизненных потребностей и практик с разрушительным, противоречивым и нереалистичным эталоном

«настоящей» мужественности. С другой же стороны, преодоление этого кризиса должно быть связано не столько с освобождением от классического нормативного канона, сколько с выработкой иного представления о нормальной мужественности, которое учитывало бы и действительное разнообразие мужских практик, и вредоносность и разрушительность схемы антиженственности.

Уход от антиженственности – это необходимость, путь к осознанию которой уже пройден не только многими женщинами, но и многими мужчинами. Теперь, по выражению Э. Бадентэр, мужчины обречены быть мутантами, трансформирующими себя не в соответствии с традиционным эталоном, а в соответствии с собственными потребностями и понятием о человеческом достоинстве как таковом. «Пора прославить те мужские достоинства, что добываются не легко и просто, а ценой усилий и повышенных требований. Это самообладание, желание преодолеть себя, вкус к риску и вызову, сопротивление угнетению... Эти свойства должны быть достоянием каждого человеческого существа, так же как и типично женские достоинства. Первые движут миром, вторые раздвигают его границы. Они не просто совместимы, они неразделимы, если человек претендует на звание человека» [1, с. 298].

Традиционный дуализм, глубоко укорененный в западном стиле мышления, долгое время структурировал реальность и социум в соответствии с парами бинарных оппозиций: разумное и чувственное, душевное и телесное, внешнее и внутреннее и т. п. Мужское и женское также вошли в этот ряд и стали сопоставляться с различными и противоположными друг другу сторонами бытия, воплощенными в двух противоположных друг другу типах человеческих существ. Однако история объективно доказывает, что взятые по отдельности и противопоставляемые друг другу специфически мужские и специфически женские качества, дробящие единую природу человека, могут обернуться настоящим «кошмаром».

Таким образом, по глубокому убеждению Э. Бадентэр, мужчины сегодня, будучи вынуждены распрощаться с обликом патриарха, «должны создать нового отца и новую мужественность. Женщины, затаив дыхание, с нежностью наблюдают за этими мутантами» [1, с. 299].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бадентэр, Э. Мужская сущность / Э. Бадентэр. – М. : Новости, 1995. – 304 с.
2. Гилмор, Дэвид Д. Становление мужественности: культурные концепты маскулинности / Дэвид Д. Гилмор. – М. : РОССПЭН, 2005. – 259 с.
3. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2006. – 464 с.
4. Ушакин, С. Видимость мужественности / С. Ушакин // О муже(N)ственности: сб.ст. – 2002. – С. 479–503.

REFERENCES

1. Badenter E. *Muzhskaya sushchnost* [Make Essence]. Moscow, Novosti Publ., 1995. 304 p.
2. Gilmor D.D. *Stanovlenie muzhestvennosti: kulturnye kontsepty maskulinnosti* [Formation of Masculinity: Cultural Concepts of Masculinity]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 259 p.
3. Kimmel, M. *Gendernoe obshchestvo* [Gender Society]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2006. 464 p.
4. Ushakin S. Vidimost muzhestvennosti [Visibility of Masculinity]. *O muzhe(N)stvennosti: sb.st.* [On Masculinity. Collected Articles]. 2002, pp. 479-503.

PROBLEMATIZATION OF THE CONCEPT “MALE ESSENCE” IN ELISABETH BADINTER’S PHILOSOPHY

Ekaterina Borisovna Khitruk

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University
ubomudr@vtomske.ru
Posp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation

Abstract. The problems of masculinity in the philosophy of Elizabeth Badinter are analyzed in the paper. The necessity of the transition in understanding the nature of the various practices of masculinity in essentialist constructivist approach is proved. Constructivist approach examines masculinity not as a biological reality, but as a cultural imperative due to assessing male social roles and ways of self-presentation in terms of the ideal of “true masculinity”. The author makes conclusion that the ideal of the “true masculinity” seems to be of “anti-femininity” nature and requires the critical rethinking in contemporary culture.

Key words: masculinity, anti-femininity, E. Badinter, essentialism, constructivism, male essence, gender, sex.